

Евгения Широкая-Ляшко

Капалик и Казачий патруль

Евгения Широкая-Ляшко
Капалик и казачий патруль

«Автор»

2021

Широкая-Ляшко Е.

Капалик и казачий патруль / Е. Широкая-Ляшко — «Автор»,
2021

Отважные подростки, брат и сестра из семьи потомственных казаков, засылаются прабабкой на перевоспитание в далёкое прошлое, в котором открывают тайны о себе и обо всём казачестве, помогая предотвратить нашествие змееподобных нагов. Во время приключений ребята осознают значимость семейных ценностей.

© Широкая-Ляшко Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгения Широкая-Ляшко

Капалик и казачий патруль

Глава 1

Начало этого лета выдалось на Кубани необычайно прохладным. Брат и сестра из древнего казачьего рода, которые по обыкновению отдыхали на морском берегу, были отправлены на целый месяц в Москву к сестре отца. Она давно переехала и всё звала племянников в гости, показать столицу. Родители решили, что будет лучше, если дети походят по музеям, чем будут ловить насморк в холодной морской воде.

Капитолина была старше брата на два года. Ей недавно исполнилось шестнадцать, и, она уже всю проявляла в себе типичный характер казачек. Бойкая, коренастая и в то же время стройная, высокая девочка с малолетства не давала себя, а за тем и брата в обиду. Тёмно-русые волосы обрамляли лицо лёгкой копной, которую Капа старалась завязывать на затылке. В её голубых с искорками карего цвета добрых глазах порой горел неистовый огонь, и горе тому, кто в этот момент попадался у неё на пути. Однако эта весёлая говорунья была отходчива. Поэтому имела огромное количество друзей. Как и многие казачки, она владела навыками верховой езды и недурно махала шашкой на празднествах, демонстрируя мастерскую фланкировку* шашкой и казачье мастерство владения холодным оружием. Ей хотелось быть первой во всём, и она практически всегда своего добивалась.

Брат Олег, которого однажды ласково называли Аликом и так и продолжали звать, уже по привычке, также по внешним данным не уступал сестре в свежей яркости лица и проворности. Когда они стояли рядом, то сразу было понятно, что они близкие родственники, и цвет глаз, и улыбка с ямочками были у них словно скопированы друг у друга. Алик был среднего роста, русоволосый, с лёгким вихром, который можно было уложить в традиционный чуб, что он и делал, когда красовался в парадной казачьей форме. В свои четырнадцать лет он отлично держался в седле и стрелял из отцовского ружья. Он был шутлив и весел, но иногда мог предаваться чтению. Как говориться, читал книги запоем. Особенно ему нравились исторического содержания.

Однако, спустя всего лишь один месяц московских каникул, на родину вернулись абсолютно другие подростки. Друзья поражались этой удивительной перемене. Они стали подражать своему двоюродному брату Ринату, который познакомил их, как теперь они говорили, с «истинной культурой столицы». Через слово они сыпали современным жаргоном, обрезанных английских слов. Оба выкрасили свои волосы в белый цвет с пепельным оттенком и фиолетовыми прядями. В одежде они более не придерживались каких-либо сочетаний. Складывалось ощущение, что чем пестрее и несуразней, тем лучше. А вот традиции предков, для них стали пережитками прошлого. Дед с отцом ругали их и называли позором семьи. Мать стала пугать отсутствием будущего:

– Куда ж вы пойдёте учиться такие? – говорила она.

На, что доблестные детки, отвечали:

– В наше время можно и не учиться, а писать в блогах свои мысли и получать деньги за рекламу у себя на страницах в социальных сетях.

Отец понимал, что нагайку не нужно применять, а надо найти подходящие слова, чтобы достучаться не до их мягкого места, а до спящего разума. Мать поддерживала его, но уже подумывала и о применении более серьёзного наказания, чем запрет пользования интернетом.

Неизвестно сколько бы этот разлад ещё продолжался и чем бы закончился, но наступил один из дней памяти, когда казаки приклоняли колени к могиле их предка – прадеда,

служившего в своё время в чине Войскового Атамана. На торжественное мероприятие, которое проходило в одном из старых селений на левом берегу реки Кубань, прибыло достаточное количество почётных гостей и родственников. Но Капу и Алика в их нарядах было видно из далека. Они решили, что если это кладбище, то и выглядеть они должны соответственно. Капа надела чёрное платье, которое тащилось по земле. Шлейф или плащ, она несла в руках, но то и дело спотыкалась, наступая на ткань, своими огромными ботинками. На голове была чёрная шляпка с красной вуалью, и длинные красные перчатки дополняли её образ. Алик, под стать сестре также был одет во всё чёрное, но с ярко-красным галстуком и такого же цвета ботинками. Посмотрев на них, мать ужаснулась. Она не знала, куда спрятать глаза от вопрошающих взглядов окружающих и от стыда. Подойдя к детям, она тихо сказала:

– Неужели вы не могли хотя бы здесь проявить уважение и не рядиться подобным образом?

– Ты говорила, что одежда наша перестала сочетаться, мы специально объездили кучу шопов, чтобы создать этот лук, а ты опять не довольна?! – огрызнулась Капа.

– Пойдём отсюда Капа, раз нам здесь не рады, зря мы отпустили такси, – в такт тону сестры сказал Алик.

И изображая оскорбление, они демонстративно пошли прочь. Вдруг перед их глазами оказалась сестра их заслуженного прадеда. Это маленькая, сморщенная старушка, в тёмно-синем платье и чёрной косынке, посмотрела колючим взглядом, от которого у них пробежал холодок по спине и сказала

– И речи ваши скверны и сами как петух с курицей ряженые. Вот и берегитесь теперь родственнички, заберёт вас казачий патруль.

Она скрипуче засмеялась и протянула им по веточке, приятно пахнущего растения.

– Вот вам, деточки, возьмите, может и поумнеете.

Понимая, что если престарелая бабуля сейчас может пожаловаться и вправду где-то стоящему рядом со своими нагайками патрулю казаков, дети взяли из вежливости ветки, и чтобы не привлекать к себе ещё чьё-то внимание быстро удалились.

Старое кладбище находилось в паре километров от трассы. Сейчас здесь уже не хоронили. Капа и Алик шли по петляющей дороге.

– Мы же и вправду вырядились, – сказал Алик.

– Я не поняла, ты со мной, или против меня? – с укором ответила Капа: – Думаешь, мне комфортно, но если это Ринат посоветовал, а ты видел, что ему в Москве подражают все его друзья, то и нам можно прислушаться. Хотя ты прав, жарко мне в этом балахоне. Давай в теньке посидим, отдохнём.

Алик, не обращая внимания на восклицания сестры, огляделся и сказал:

– Насколько я помню, здесь казачий стан поблизости сразу за оврагом, а в овраге ручей был. Можем там передохнуть.

Они свернули с грунтовой дороги, и пошли по тропинке, ведущей в низ, к оврагу, где встречалась хоть и редко благодатная тень деревьев.

Холмистая местность заградительным кордоном приглушала звуки, летящие со скоростной трассы. Становилось всё тише. Наконец ребята почувствовали освежающую прохладу вместо знойного воздуха, раскалённого солнцем. Напившись из ручья и умывшись, они уселись на берегу, покрытом мягкой травой словно ковром.

– Что будем делать? – спросил Алик.

– Если телефоны в сети, то пару часов посидим здесь, ну или поспим на траве, что думаешь? – предложила Капа.

Алик хотел ответить, но нахмурился и сказал:

– Интересно, почему у меня ощущение, что на нас кто-то смотрит?

– Да кому здесь быть, если только местная царевна – лягушка не посылает тебе свои флюиды, – засмеялась Капа и тут же поднялась с земли, услышав шорох в соседних кустах.

– Здесь могут быть кабаны или другие дикие звери? – спросила она у брата.

– Я чувствую чей-то взгляд, с тех пор как мы прошли через лёгкий туман на входе в овраг. Уверен, что это не зверь. Я часто был на охоте с отцом, чтобы различать поведение животных и людей. Это не звери, – серьёзно ответил Алик.

Они прислушались, вокруг стояла тишина, лишь изредка нарушаемая пением птиц и стрекотанием кузнечиков.

– Быстро отвечайте кто такие? – неожиданно спросил голос непонятно откуда.

Ребята подпрыгнули на месте и от неожиданности представились:

– Я Капа! Алик! А ты кто?

– Вопросы здесь задаю я! Капалики, хорошо. А зовут вас как? – проскрежетал мужской голос.

Брат и сестра посмотрели друг на друга и Капа, подчёркнуто вежливо сказала:

– Наши полные имена Капитолина и Олег, а коротко Капа и Алик.

Из укрытия к ним вышел мужчина. Он был похож на типичного казака, только форма его выглядела не много иначе. Ребята знали, что в каждом регионе различаются не только уставы, но и форма. Поэтому сочли незнакомца за приезжего. Внезапно с другой стороны появился всадник, перед которым незнакомец вытянулся и, кивнув в сторону их, рапортовал:

– Беженцы из рода капалики.

– Хорошо. Распредели их, а потом допросим.

Алик посмотрел на сестру:

– Это не обычные учения на казачьем стане, как ты думаешь?

– Если бы мы общались последнюю неделю с отцом, он бы рассказал, чем здесь сейчас занимаются. Но за месяц отсутствия, я как ни стараюсь, не могу припомнить ничего нестандартного из расписания или проведения исторических реконструкций, – ответила Капа.

– Ладно, сейчас посмотрим, что интернет найдёт, – сказал Алик, доставая телефон: – Хм, что и требовалось доказать. Видимо, здесь нет ни одной вышки связи поблизости. А у тебя что?

Капа достала айпад, и тоже видя отсутствие связи, стала смотреть настройки.

Неожиданно они услышали странный звук, как если бы кто-то встряхивал скатерть. И подняв лица от экранов гаджетов, они увидели летящую в их сторону плетёную сетку. Ещё мгновение и они не могли пошевелиться или сказать хоть слова, так как во ртах уже торчали кляпы.

– Подбери их оружие, оно нам ещё пригодится, – сказал всадник и ускакал.

Незнакомец собрал гаджеты и положил в наплечный мешок.

Незнакомец аккуратно погрузил их на не понятно, откуда появившуюся узкую телегу. Капе и Алику только и оставалось, что смотреть на небо с проплывающими в нём кучевыми облаками. Не заметно для себя от монотонной качки они заснули.

Алик проснулся от того, что Капа толкала его в бок. Он посмотрел ей в глаза. И понял, это был не сон. Она куда-то кивала. Алик прислушался и понял, что сейчас их будут допрашивать.

В небольшом палаточном лагере подростков освободили от пут и оставили стоять возле небольшого костра. Незнакомец вошёл в палатку. Капа быстро схватила примеченную шашку. Она не понимала где они, и в какую сторону бежать в опустившейся ночи, но она знала одно, без боя она не сдастся.

Вдруг откуда-то сверху раздался хохот:

– Харлан! Иди скорей, твои пленники вооружены!

Из палатки вышел незнакомец и засмеялся тоже:

– Асиферт, хватит ржать, идь сюды, подсоблять будешь!

Капа подкинула шашку и стала размахивать ей, как учили.

– Это что за скоморошница? – спросил Асифест, продолжая заливаться хохотом и лишь, как показалось Капе, коснулся её руки, как она увидела летящую в сторону шашку.

«Ну вот, а инструктор говорил, что я превосходно владею фланкировкой» – подумала Капа, продолжая смотреть на выбитое с такой лёгкостью из её рук оружие.

Она посмотрела на брата и поняла, почему он молчал и не шёл к ней на помощь. Алик уже снова лежал в сетке с кляпом во рту. Харлан ловко связал ей руки и пихнул в сторону Алика. Запутавшись в подоле платья, Капа растянулась рядом.

Немного погодя, Асифест и Харлан вышли из палатки. Капа услышала, в чём они говорили у входа, но изобразила безразличие к их словам.

Асифест сказал им, развязывая:

– Вы сейчас поедите, но прошу не глупить.

Алик и Капа ели какой-то своеобразный рыбный суп, но их урчащие желудки были безмерно рады его хоть и простому, но очень насыщенному вкусу.

– За кого они нас приняли? – прошептал Алик.

– Не знаю, но пока понятно, что капаликов они остерегаются, хоть уважают. И пока нам выгодно быть капаликами мы ими будем. Сама слышала, как они сказали, что пытаться капаликов нельзя. Беду накличат. Здесь война какая-то. Капалики вроде в нейтралитете со всеми общаются. Вот и мы будем «дружественной Швейцарией», – подмигнула Капа, брату.

*фланкировка – вид владения холодным оружием, заключающейся в выполнении боевых приёмов одной или двумя шашками одновременно, применяется для разогрева сухожилий рук непосредственно перед боем или как гимнастика.

Глава 2

К ночи стало прохладнее. Капа и Алик пододвинулись ближе к огню, вытянув озябшие руки. Харлан подвесил над костром котелок с водой и обнадёжил ребят:

– Не дрожите. Будет вам сбитень сейчас.

Он сел рядом и начал доставать различные сушёные травы из своего мешка. Затем он принялся растирать их на камне и бросать в котелок. Каждое движение было отработано до автоматизма. Он сидел в позе по-турецки прямо на земле. Алик уже обратил внимание на аскетический образ жизни этих людей, к которым они попали, однако все вещи были изготовлены из добротного материала и рукой мастера. Шаровары на Харлане, были сделаны из лёгкой, но плотной ткани, которая не заминалась и выглядела, словно её только, что отутюжили. Полукафтан, длиною до середины бедра, плотно потягивал мощную грудь и заканчивался под шеей стоячим воротником. Шапка на затылке была похожа на папаху, только другого кроя, как часть срезанного цилиндра.

В цветовой гамме преобладали два оттенка: коричневый и серый с чёрными линиями, подчёркивающими карманы, манжеты и все края, и отвороты кафтана. Высокие кожаные сапоги были начищены до матового блеска. На портупее свисал прямой кинжал.

К костру подошёл Асиферт:

– Чую уже запах твоего сбитня Харлан.

– Ещё немного и будет готов. Я чаши уже заготовил, – сказал Харлан, показывая на стопку глиняных чаш рядом с собой.

Алик обратил внимание, что папаха у Асиферта выше. «Неужели это их знаки отличия» – подумал он. И повернувшись к сестре, сказал:

– Ни как не могу вспомнить их воинские знаки отличия. Одежда вроде казачья, но материал какой-то другой. Прочнее выглядит. И цвета таких оттенков не припомню на картинках в энциклопедии. Я был уверен, что в ней полное описание родов казачьих войск и обмундирования с различными формами одежды указаны.

– Посмотрим, что будет дальше. Наше дело сейчас наблюдать и постараться понять, что это за творческая реконструкция, где так глубоко в роли входят. Они общаются между собой почти как на равных, но понятно, что Асиферт идёт выше по званию. Однако кажется, они ждут кого-то, может даже атамана, чтобы определить, что с нами делать. Не будем торопиться. Родители нас не скоро кинутся после расстройства от встречи на кладбище. Так что будем подыгрывать и попытаемся договориться с атаманом, – сказала Капа.

Разлив сбитень по чашкам, зачерпывая деревянным ковшом, Харлан уселся напротив ребят и сказал:

– Угощайтесь.

Приятное тепло стало разливаться по телу. Аромат трав оставлял приятное послевкусие от каждого глотка горячего напитка. Капа посмотрела на брата и, не успев сказать ни слова, повалилась на него, забывшись глубоким сном. Алик подхватил сестру и тут же уснул рядом. Подростки мирно спали, лёжа не далеко от костра. Харлан принёс свою бурку из палатки и укрыл их.

– А сам, как? – спросил Асиферт.

– Я-то привычный. А эти капалики такие беззащитные. Живут себе отшельниками, мира не знают, – мягко сказал Харлан.

– Ну не скажи, смотри дивчина, какая попрыгунья, шашку твою так и цапнула, – посмеиваясь, проговорил Асиферт.

– Это да, может, и оставим их обоих у нас. Понятно ж, что родственника младшего защищала, похожи они как, посмотри. Смелая. Значит кровь живая в ней. Подучим их обоих. Сей-

час каждый человек на счету. Да и с кем их в Гордарыку отправлять. Мы походная группа, а не посыльные, – ответил Харлан.

– Верно, говоришь. Безобидные они. Оружие даже своё применить не смогли. Кто о них ещё позаботиться. Завтра атаман походный прибудет и пусть наказ даёт, так и сделаем, – сказал Асиферт.

– Малы они ещё, поэтому и не успели оружием воспользоваться. Я припрятал его пока до поры до времени. Может еще, и пригодиться, – прищурившись, подмигнул он Асиферту.

Утром ребята проснулись одновременно от конского ржания. Капа положила бурку, автоматически аккуратно свернув. Лагерь находился посреди дубравы. Вековые деревья стояли на изрядном расстоянии друг от друга, создавая хорошую освещённость внутри этого равнинного леса, покрытого низкой травой. Дубы не закрывали наружный обзор степи, и можно было увидеть, что лагерь находится на небольшом возвышении над долиной с протекавшей в ней узкой рекой. Сам палаточный лагерь выглядел не менее внушительно и прочно, чем окружавший его лесной массив. Сразу было понятно, что такие палатки были предназначены для длительного пребывания в любых погодных условиях. Многослойные тканевые стены земельного цвета были натянуты на деревянный каркас, вбитый в землю. Распашной полог на входе одной из шатрового вида палаток был высоко поднят. В ней просматривались изолированные секции и большое пространство посередине, в центре которого был выложена большая печь с трубой выходящей наружу.

Никого не было рядом и Алик кивком показал Капе своё намерение обойти кругом. Она в ответ лишь пожала плечами. Уже было понятно, что эти шустрые войны пресекут любые попытки к бегству.

– Надо понять, где старший. С ним и пообщаемся, – напомнила Капа брату.

Палатки оказались пустыми. Что очень удивило ребят. Но, заметив караульных по периметру, предположили, что это походная стоянка.

– Значит, из лагеря отряд отлучился ненадолго и скоро все появятся, – предположила Капа.

– Согласен. Скорее всего, так и есть. Там справа ручей. Пойдём, умоемся, – сказал Алик.

Пока Алик совершал свой утренний туалет, Капа решила отойти подальше по бережку. Вдруг она увидела жеребёнка, копыто которого, застряло между камнями. Он ни как не мог выбраться из западни и обессиливший прилёг на бок.

– Малыш не бойся, – ласково она обратила к нему.

Жеребёнок подпрыгнул и попытался брыкнуться, но Капа успела увернуться и начала разбирать каменную ловушку. Жеребёнок, увидев это, успокоился.

– Моя умница, – сказала Капа, похлопав, его одной рукой по гриве.

Она высвободила ногу жеребёнка, которая была в крови.

– Давай, посмотрим, что у тебя тут. Ага, просто оцарапался, сейчас мы тебя перебинтуем, – сказала Капа, отрывая подол своего платья и туго накладывая повязку.

Жеребёнок потерся об неё боком.

– Да какой же ты смыслённый и ласковый мой. Я буду звать тебя Янтарь, под цвет твоей соловой масти, – сказала Капа и погладила светло-желтые бок нового друга. Тут её рука на что-то натолкнулась, и она отпрянула от жеребёнка.

– Что это у тебя тут дружок? – спросила она немного шокировано.

За её спиной показался Алик:

– Ты вскрикнула, что случилось?

– Это что, крылья? – спросила Капа, указывая на спину жеребёнка, который словно услышав её, расправил свои огромные светло-рыжие крылья, идеально гармонизировавшие с его белыми гривой и хвостом.

Брат и сестра стояли, как вкопанные, когда из-за спины услышали голос Харлана:

– Кажется этот гухьяк, только что нашёл своего хозяина, точнее хозяйку. Это самые преданные кони, которые только могут быть. Тебе повезло, девочка, что ты нашла его. Я думал дикие гухьяки вымерли из-за метеоритного разлома. Подойди же к нему, погладь, и он пойдёт за тобой.

Капа послушно подошла и, погладив жеребёнка, сказала:

– Пойдём Янтарь, уверена, мы найдём, чем тебя сейчас покормить.

Жеребёнок весело заржал. Сложил крылья и двинулся следом за всё ещё ошеломлённой Капой.

Когда в лагере заметили жеребёнка, было видно, как оживлённо заговорили между собой люди из малочисленного состава оставшихся жителей лагеря.

– А что значит метеоритный разлом? – спросил Алик, когда Харлан вынес овса для жеребёнка.

– Как я погляжу, капалики совсем дикие стали. Лет сто назад был метеоритный дождь, в котором три самых огромных куса проломили материковое основание, и пошёл разлом на несколько частей, – ответил Харлан.

Алик посмотрел внимательно на Харлана, в лице которого читалась лишь серьёзность без тени улыбки.

– Ну, хорошо. Разлом так разлом. А где карты географические, чтобы посмотреть, как было и как теперь? – с явным любопытством спросил Алик.

– Твоя речь, как у лазутчика парень, – сказал Харлан. – Однако я вижу твоё недоумение, и мне это подсказывает, что ты и впрямь не слышал про разломы. Пойдём со мной.

Харлан зашагал быстрым шагом к центральной палатке. Алик старался не отставать. Всё происходящее всё меньше походило на сон. Дойдя до середины палатки, Алик увидел, как Харлан открыл огромный деревянный ящик, стоящий рядом с мощным столом и стал перебирать длинные свитки. Наконец он достал один и, раскрутив, выложил на стол:

– Вот смотри, так было до разлома.

Алик подошёл ближе и стал всматриваться. В палатке не было освещения. Только распахнутый на входе занавес пропускал дневной свет, и этого было достаточно, чтобы понять, что перед ним великолепно нарисованная карта. «Вот только чего? Чего-то очень знакомого,» – вертелись мысли в голове Алика. И вдруг он словно прозрел. В одной из книг он это видел. Это была карта единого материка Му, до того как от него откололись две Америки, Австралия, Африка, Антарктида.

– Я вижу ты, что-то припомнил, – сказал Харлан, внимательно наблюдая за изменениями в его лице.

Алик посмотрел на Харлана отрешённо и провёл пальцем по карте, обозначая контуры будущих материков:

– Разломы появились здесь?

– Этот капалик уже начал рассказывать, что ему известно? – раздался из-за спины незнакомый властный голос.

Повернувшись, Алик сразу понял, что это атаман. «Добрый казак баче, где атаман скаче» – пронеслась в голове Алика пословица. Взор атамана буравил его насквозь. Хоть и одеты они примерно были все одинаково, но папаха главного была значительно выше, чем у окружавшего его воинского люда.

Инстинктивно Алик наклонил голову, ожидая, когда к нему обратится старший, чтобы ответить. И тут он увидел сидевшего пса у ног атамана, рука, которого касалась его загривка.

Чёрный с рыжими подпалинами окрас, густая шерсть и грозный взгляд, делали этого мастифа похожим на медведя.

Харлан прокашлялся и сказал:

– Прав ты атаман, интересно малец показывает. Будут ещё разломы. Прогнозы Капаликов всегда сбывались. А ну-ка, покажи ещё раз, где границы будут.

Алик взял, лежащий на столе длинный стилус и очертил границы материков, которые он хорошо знал, ибо отец давно уже повесил огромную карту мира в его спальне напротив кровати.

– Что ж у нас появилось преимущество, – объявил атаман, – А девчонка как мне доложили, гухьяка нашла. Добрый это знак, как я погляжу. Значит так, Харлан, раз ты их нашёл, тебе и ответ держать. Оба Капалика под тобой будут. Какие-никакие может работники, но ценность в них есть, так что обучай их добротню.

– Как прикажешь, походный атаман, – сказал серьёзно Харлан и с улыбкой добавил, – Спасибо за подарок Провор. Вот уж честь для меня самих капаликов обучать.

– Начнём с того, что одеяния ваши поменяем. Негоже в таких ходить. Что может согреть такая одёжка, да и в дырах она у вас вся, – ворчал Харлан, перебирая бельё в сундуке.

– Вот примерьте, – сказал он, бросив охапку одежды на коврик, похожий на циновку и вышел из своей палатки.

Капа с Аликом разобрали коричневые шаровары и серые кафтаны, и немного подтянув пояса, в целом остались довольны. Сменив, свои жёсткие ботинки на кожаные сапоги, ребята заулыбались, наконец-то, высвободив ноги из неподходящей для их новой жизни обуви. Одежда была просторной, но не мешала в движении, а высокие сапоги без жёстких колодок, позволяли даже комфортно в них сидеть на корточках. Они закончили переодевание, надев серые папахи, бока которых были такие же низкие, как у их теперешнего наставника.

Харлан зашёл в палатку и одобрительно кивнул.

– Надо подобрать тебе коня, – сказал он, указывая пальцам на Алика.

Алик улыбнулся и сказал:

– Моё имя Алик.

– Имя надо заслужить, – был короткий как разряд молнии ответ.

Алик посмотрел на сестру, которая хмыкнула на такую реплику.

– Ну что ж братик, заслужим себе местные имена, нам-то ни кто не запрещает называть друг друга, как родители величали, – хохотнула она, хотя в глазах была тревога.

– Знать бы только, где это место находится, – ответил сухо Алик.

Глава 3

Харлан подвёл ребят к огороженному пастбищу, которое они изначально не заметили. Большая часть пастбища расположилась в долине и доходила до реки, а меньшая лежала в тени деревьев, где сейчас сидел пастух. Лошади были крепкими, крупными, как говорится пышущие здоровьем. Степные скакуны в основной массе находились у реки, а другие разбрелись, пощипывая сочную траву, которая росла здесь в изобилии.

– Хисий, подбери-ка друга для этого юнца, – попросил Харлан, низкорослого смуглого пастуха.

– А что выбирать-то, вон она рыжая кобылка родилась от гнедого жеребца, да вороной кобылы. Забирай, коли сможешь, – сказал он, обращаясь к Алику.

Алик перебрался через изгородь и направился к молодой кобыле карамельного цвета. В его карманах сладкоежки всегда было чем утолить свою страсть. Вот и сейчас он с удовольствием нащупал за пазухой металлическую коробочку с леденцами.

– Какая ты красивая вблизи, – сказал он, не отрывая взгляда от внимательно смотревшей на него кобылы.

Алик остановился перед ней в паре метрах и открыл коробочку. Кобыла уже с интересом смотрела за его действиями. Алик достал два леденца, положил на ладонь и вытянул руку вперёд.

– На, попробуй, – сказал он, улыбаясь.

Кобыла подошла и, слизав леденцы, подняла морду, снова уставившись на Алика.

– Ну что, вот и познакомились, моя красавица. Я назову тебя Карамелька, тебе очень подойдёт это имя, – нащёптывал Алик, поглаживая гриву лошади и почёсывая пальцами ей бока.

И тут Карамелька его лизнула в первый раз.

– О, да ты милая моя просто сокровище! – отозвался на это Алик.

Карамелька упёрлась головой в грудь Алика, а тот продолжал её ласкать руками.

– Спасибо Хисий, не даром говорят, что ты ездока насквозь видишь и подбираешь ему его пособника за раз, – сказал Харлан.

– Лошадь должна не уступать казаку в боевом искусстве, это ведь как его собственное продолжение тела. Но было бы из чего выбирать сейчас, Харлан. Боевых коней похолостили, да оставили немного жеребцов на развод, – ответил Хисий.

– А что значит «похолостили»? – спросила удивлённо Капа.

– А то и значит, чтобы возбуждённый жеребец не выдал своим непрерывным ржанием тех, кто в засаде, его кастрируют, – сказал Хисий.

– Понятно. Я знала, что кобыл предпочитают, потому что они не останавливались на бегу для того, чтобы справить нужду. Но что так жеребцам достаётся не слышала, – ответила Капа.

– Да, что капалики вообще о лошадях могут знать, – посмеялся Харлан.

Хисий направился к Алику, чтобы снарядить его конской амуницией. А Капа решила воспользоваться моментом и спросила у Харлана:

– А давно вы капаликов видели, часто они встречаются?

– Капалики всегда жили уединённо, а после начала великой вражды они стали переселяться, не принимая ни чьей стороны. Наш патруль покрывает три йоджаны на север и три йоджаны на юг, до границ следующих патрулей. То есть между каждым патрулём один день конного перехода. Но ни мы, ни наши ближайшие соседи уже не помним, когда последний раз их видели, – ответил Харлан.

Капа очень обрадовалась, что другие капалики отсутствуют и им с братом можно не опасаться, что их кто-то выдаст.

– Благодарю, что заботишься о нас Харлан, – сказала Капа, и уважительно поклонилась.
– Чем я с моим братом можем тебе быть полезны? Может ты что-то слышал о капаликах и имеешь в этом нужду? – быстро переняв, местный говор, вежливо спросила Капа.

– Надо подумать, так сразу всего и не упомянуть. Знаю, что все капалики – отшельники. Они владеют даром предвиденья. Любой предмет, который возьмут в руки и поносят день и ночь становится амулетом защиты. И есть у них зеркала судьбы, которые переливаются как радуга, и в них-то капалики и видят будущее, – ответил Харлан.

Капа, смекнув, что к чему изобразила задумчивый вид и, пройдясь кругом сказала:

– Что ж, амулеты беру на себя. Дай знать людям, кто хочет иметь амулет, то пусть приносит свой предмет, я поношу его, и спустя сутки, в смысле, и спустя день и ночь пусть приходят забирать. Только по очереди, а то силы будет вдвое меньше, если сразу по два амулета носить буду.

– Это ты хорошо придумала, казакам по нраву будет, – закивал Харлан.

– Посмотреть будущее можно было бы, но, к сожалению, мы потеряли наши зеркала – ответила Капа.

– Будут вам зеркала, – уверено ответил Харлан.

– Вот и хорошо. Но, чтобы правильно трактовать образы в зеркале нам надо понимать, что сейчас происходит. Как повлиял метеоритный разлом на жизнь в целом? – задала Капа свой главный вопрос.

– Жизнь стала другой, что уж тут говорить. Новые реки и горы создали новые границы государств. Происходят военные столкновения за ресурсы, так как не у всех новые границы обеспечивают питанием. Гордарика почти разрушена. Как головная часть империи она претерпевает видоизменение управляющей верхушки. Казаков переманивают разные кланы, чтобы обеспечить себе защиту, – с болью в голосе поведал Харлан.

– А что казаки, на чьей они стороне? – спросила Капа.

– Казаки это материковая военная каста Тартарии. Время не спокойное, жрицы делят влияние и раздрают народ на группы. Но каста казаков стоит на страже, успокаивая конфликты. Раздробленная каста жрецов пытается раздробить и казаков, которые пока служат только верховному жречеству. Казачьи патрули, как наш, часто наталкиваются на лазутчиков. Казаки – миротворцы, предателей нет. Есть оборотни, их-то мы и стараемся выявить на вверенной территории. Походный атаман с двумя сотнями каждые два дня в походе по два дня, проверяет, нет ли засланных в наших рядах, – продолжал говорить Харлан, вглядываясь в игру эмоций на лице Капы.

Капа лихорадочно думала, что ещё спросить, но мозг уже требовал остановиться. К этой минуте она и так получила больше, чем способна была осознать.

– Когда у меня будут зеркала, я, возможно, задам тебе ещё вопросы Харлан, – наконец ответила Капа, после нескольких минут молчания.

Алик счастливый вёл за собой на уздечке свою первую собственную лошадь.

– Смотри, какая у меня красавица, её зовут Карамелька, – сказал он сестре.

Капа рада была за брата, но всё ещё сложно соображала, переваривая полученную информацию. Она стала поглаживать гриву Карамельки и спросила:

– А мне лошадь тоже выдадите?

Харлан и Хисий переглянулись.

– Она для Капалика очень воинственная дивчина, – хохотнул Хисий.

– Давай мы брата твоего сперва обучим, а ты пока присмотри за своим гухьяком. Ты не думай, что он мал. Они очень сильные. И сдаётся мне, что скоро ты лишь сбрую для него у Хисия попросишь, а не лошадь, – ответил Харлан.

На том и договорились. Капа стала по хозяйству помогать, да амулеты носить. Алик каждый день выезжал с Харланом ни свет, ни заря и затемно возвращался. Она успела передать её разговор с наставником на пастбище, но казалось, что Алика вполне устраивает всё, что с ним приключилось.

– Нам надо искать путь домой, – призывала Капа брата.

На что он отшучивался:

– Какой казак не мечтает показывать!

И снова убегал к наставнику.

Капе оставалось лишь ждать, когда её младший брат наиграется, и они смогут придумать план возвращения. Харлан принёс её зеркала-гаджеты, которые они выронили при их знакомстве. Теперь она старалась найти способ ими воспользоваться, так как электрического тока для того, чтобы зарядить севшие аккумуляторы телефона и айпада у неё не было.

Глава 4

Алик очень привязался к Харлану, который хоть и покрикивал, да ворчал, был добрым казаком и по-отечески заботился о нём и его сестре.

Каждый день они выезжали в поле, и Харлан муштровал его как наездника.

– Научись чувствовать свою лошадь, утроишь свою силу, а в трудную минуту она тебя выручит. Сам голоден, а лошадь твоя сыта должна быть, – наставлял Харлан.

С каждым днём они отъезжали всё дальше от лагеря. Однажды они выехали к глубокому оврагу, по дну которого протекала неглубокая река. Высокие берега находились на значительном расстоянии.

Алик посмотрел вниз:

– Тут и шею можно свернуть, спускаясь, – сказал он.

– А нам не надо спускаться мы прямо идём, нас там Асиферт поджидает, – ответил Харлан.

– Ты идёшь, чего встал? – спросил Харлан, оглянувшись.

– Так там пропасть? Как я пойду? – уставившись на Харлана, спросил Алик.

– Хватит придуриваться! Иди, давай! – проворчал Харлан и направил своего коня к обрыву.

– В соответствии с законом гравитации я упаду в пропасть, если пойду дальше. Я не могу, – категорически заявил Алик.

– Твой закон глупость. Я его не знаю и могу ходить спокойно, где мне заблагорассудится, – ответил наставник, уже привыкший к странностям своего ученика.

Харлан просто проехал мимо Алика и его конь продолжил идти над пропастью, словно там была ровная дорога.

Алик от изумления открыл рот. Карамелька последовала за конём Харлана и перевезла на другой берег, замутившегося от страха Алика.

«К этому надо не привыкать, а-то, вернувшись домой, можно и с ума будет сойти и бегать, как некоторые безумцы за покимонами носятся» – подумал Алик и спросил наставника:

– А для чего нас Асиферт ждёт?

Харлан, продолжая смотреть вперёд, сказал:

– Из знаний, которые не смогли отнять у казаков, осталась рогатка да кистень. Хотя нам казакам всё нипочем. Никакая катастрофа не отнимет у нас любовь к семье, да к живности всякой и природе. Чтобы не произошло, а верный кинжал всегда под рукой, шашка на боку, да засапожник в сапоге на крайний случай. Асиферт покажет тебе, как кистень в деле применять, да как рогаткой пользоваться. Я и сам могу, но он в этом деле мастер, а учиться надо всегда у лучших.

– А кто знания-то отбирает, что-то я не понял? – спросил Алик.

– Экий ты непонятливый, – заворчал Харлан: – Зеркала вон ваши не работают. И в каждой касте так. Снова тёмные времена наступили. Если что-то и осталось из технологий, так это только у жрецов. Они собирают в хранилище вещи прошлого. Летательные и подводные аппараты сами используют, а мне дед рассказывал, что это было естественно для любого в небе летать или под водой плыть. Из воздуха энергию брали. А теперь из-за конфликта блокируют возможность подпитки устройств помогающих хоть в хозяйстве, хоть в походе. Так и живём.

Алик понимал, что военные всегда говорят кратко, и разговорить Харлана было делом трудным, но если прислушиваться и читать между строк, то понятно становится. Мощное оружие в лагере наверняка есть, но лучше про это не спрашивать, а-то неизвестно, как поступят, если примут за лазутчика.

Кони шли по узкой тропе между высоких деревьев. Впереди ехал наставник, а Алик следом. Такая обстановка не располагала к беседе, но Алик всё-таки спросил:

– Харлан, а что ты сделал, чтобы имя заслужить?

– Много чего сделал, – услышал Алик, насмешливую интонацию в голосе наставника.

Они выехали на поляну, окружённую соснами. Большие кусты можжевельника создавали по периметру перелесья естественный барьер, не позволяя разглядеть за своими разлапистыми ветками что-либо ещё.

Харлан поднял правую руку, давая сигнал остановиться, и, подражая филину, заухал. Через мгновение где-то поблизости также заухал филин и ещё через минуту с противоположной стороны на поляну выехал Асиферт.

– Рогатка это универсальное оружие. Ей и бесшумно обезвредить можно и узнать далеко ли друг или недруг, – стал рассказывать Асиферт, когда вся тройка, спешившись, расположилась под старой сосной.

– Так, мне медведь на ухо наступил, что ещё можно сделать с рогаткой повторите, пожалуйста? – переспросил Алик.

– Какой медведь, где? – встрепенулись оба наставника.

– А медведя нет, это я хотел сказать, что слышу плохо, с ушами проблема, – поправил себя Алик.

– У тебя уши маленькие не дури парень, а-то вытяну тебе их и сделаю как у зайца, тогда медведь на них и попляшет, – сказал Асиферт, присаживаясь обратно.

– Давай, поставь рога, узнаем, кто поблизости, – сказал он уже без угрозы в голосе.

Алик раздвинул указательный и средний пальцы на правой руке и приставил к своей голове и спросил:

– Вот так?

– Что же за неразумец мне достался, у всех ученики как ученики, а этот или сам идиот, или из меня идиота хочет сделать. Тебя, небось, и время понимать не обучали? – рассердился Харлан, которому стыдно стало перед Асифером.

– Как же? В сутках двадцать четыре часа. В часе шестьдесят минут. А в минуте шестьдесят секунд, – без запинки перечислил Алик.

Харлан замотал головой:

– Вот за что мне это? Эти отшельники вообще ничего не умеют!

Громко выдохнув, Харлан начал рассказывать, как применять рогатку с учётом течения времени.

– Рогатку надо воткнуть в землю. Взять за оба конца и закрыть глаза. Перед тобой всплывут по очереди семь цветов. Каждый равен времени и расстоянию от объекта измерения. В какую сторону смотришь, тех и слышишь. Подмогу ждём, значит, на восток лицом садишься. А если лазутчиков проверяем, то лицом на запад. В красном свете проблески увидишь, значит, появились на горизонте идущие, совсем близко от тебя. Если в оранжевом цвете изменения видишь, значит, скоро появятся на горизонте. Коли жёлтый, то ночь ходу конному. Коли зелёный, то день и ночь конного перехода. Если голубой, то ночь и два дня конного перехода. Синий – две ночи и два дня конного перехода. Фиолетовый – три ночи и два дня конного перехода.

Алик хмыкнул и про себя подумал: «Теперь понятно, что значит мне это фиолетово. То есть враг нескоро придёт».

– А теперь иди и поупражняйся с Асифертом, – сказал Харлан.

Закончив с определением расстояния по рогатке, Асиферт достал кистень.

– Что ты об этом знаешь? – спросил он у Алика.

– Кистень – это контактное холодное оружие ударного и раздробляющего действия. По сути это рукоятка или кистенище с прикрепленным к нему на гибком подвесе грузом, – ответил Алик.

– Всё верно сказал, но есть ещё кое-что. Если ударить вокруг себя этим кистенем на четыре стороны света, то становишься невидимым для недругов своих. Так заговоренный металл кистеня защищает. Такой кистень только у казаков есть и передаётся он по наследству, в прочем, как и любое другое оружие. Когда, например, дед уже не в силах становится, то он дарит свой кинжал внуку. Преемственное оружие самое ценное, оно весь род бережет. Держи мой кистень, сейчас испытаешь, каково это. Токо не шустри, а-то зашибёшь нас с Харланом, – сказал Асиферт.

Кистень Алику очень понравился. Лёгкое, но грозное оружие, помогало как, оказалось, уйти от погони или подкрасться к врагу незамеченным.

– Ещё напоследок скажу тебе пару слов о нагайке, – продолжил Асиферт, демонстрируя свою ременную плеть.

– Нагайка хороша как средство управления лошадью, «шлепок» на конце не травмирует ей кожу при сильном ударе плети. Так вот если этот «шлепок» сделан из кожи редкого животного бороготуса, то махая этой нагайкой можно создать пыльный ветер для отхода от врага или даже при надобности запустить пыльную бурю, – пояснил Асиферт.

– А как я пойму, какая это нагайка простая или вызывающая бурю? – удивленно спросил Алик.

– Кожу бороготуса не спутать ни с чем, она словно песчаная. У нашего атамана есть такая, потрогаешь.

Тем временем Капа вместе с Павлиной, женой Харлана, приятной миловидной женщиной, собирали полезные травы для лекарских нужд. Её четыре сына с лёгкостью находили всё, что просила мать. Они бегали между ручьём с молодой порослью дубов, собирая в свои мешочки целебные растения. А Капа пыталась запомнить весь этот вдруг свалившийся на неё гербарий.

– Некоторые травы ядовиты, не касайся их, – поучала Павлина, рассказывая бесконечные полезные свойства местной травы.

Глава 5

Капа всё больше проникалась уважением к жителям лагеря. Пустых разговоров не было. Общались по-дружески ласково. Старались друг другу помогать. Собираются казаки рыбу идти ловить, а казачки уж сети проверили и подплели, где надо конопляную верёвку. А если песню кто затынет, так и подхватывают, кто, где стоит, а дела из рук не выпускают. Дети не отстают от старших. Только и видно, как по заданию родителей или наставника бегают по лагерю. Казаки сами многое умеют, потому что с юных лет учатся разным ремёслам. Каждый может о себе сам позаботиться: и одежду с обувью починить, и седло смастерить. Сегодня Капа посмотрела, как искусно из дерева вырезает заготовки для седла мастер-седельщик, а затем обтягивает их кожей. Она попереминалась с ноги на ногу, но не стала отвлекать его от работы. «Лучше я подойду, когда он будет не занят,» – подумала Капа. Нога Янтаря зажила, да и сам он поправился и подрос на добротном довольствии. И ей очень хотелось испытать свою крылатую лошадь, но без седла она не могла этого сделать. Хисий подсказал, что для гухьяка обычное конское седло не подойдёт. Проходя мимо кузницы, Капа увидела, как кожевник Казарь несёт подготовленную на раскрой кожу. Лагерное пастбище ежедневно давало ему несколько шкур в работу. Да и после охоты с рыбалкой материала для выделки тоже было предостаточно.

– Здравствуй, Казарь, буду благодарна за совет, – сказала Капа.

– Здравствуй, девица, в чём совет нужен? – ответил Казарь, сортируя шкуры.

– Хочу своего гухьяка испытать, да ни как не подберусь к нему. Боюсь, что неудобно на обычном конском седле будет. Может кожаную подушку с перевязью сделать. Что думаешь? – спросила Капа.

– Приводи своего гухьяка, посмотрим, что можно будет сделать, самому интересно стало, как его оседлать-то, – сказал Казарь.

Через неделю кропотливой работы Казарь подарил Капе великолепное кожаное седло. И она уже по привычке одарила его амулетом, проносивши сутки с собой – малого размера нож. Казарь поблагодарил и задал неожиданный вопрос:

– За амулет спасибо, конечно, но я как посмотрю, вы с братом всё больше казаками становитесь и меньше Капаликами, такой ли уж действенный амулет теперь?

– С чего ты взял, Казарь? – удивленно спросила Капа.

– Так ваши волосы с братом цветом как у казаков расти начали, а раньше вы вон какие белые были, – ответил, улыбаясь Казарь.

Капа вдруг вспомнила, что после окрашивания прошло уже больше месяца и, конечно же, на их с Аликом головах стали заметны отросшие природные русые волосы. «Подумать только, я смотрюсь вместо зеркала в полированный металл уже больше месяца» – подумала Капа и, улыбнувшись Казарю, сказала:

– Правду говоришь. Нравится нам с братом у вас, и природа нас казаками делает. А чтобы не отличались от вас, так и волосы менять стала.

В этот же вечер Капа состригала Алику его обесцвеченные волосы.

– Хоть тебя теперь от местных и не отличить. Женщина с короткими волосами это позор, поэтому свои волосы я под платок прятать буду. Да и не так жарко для ношения платка стало. Август заканчивается, ночи совсем холодные, – сказала она брату.

– Точно, скоро сентябрь! И можно не идти в школу! – засмеялся Алик, и потом добавил, – Знаешь, а мне здесь нравится. Нет какой-то надуманности все говорят прямо то, что думают. Жалко, что у нас не так.

– Это да, не нужно думать, как ты одет, потому что оценивают по поступкам. Кстати, пойдём, я тебе что-то покажу! – сказала Капа и потащила Алика за руку.

Алик был впечатлён. Капа словно богиня победы Ника смотрелась на своём гухьяке.

– Когда с Янтарём летать будешь? – спросил он сестру.

– Хотелось бы. Я сейчас прочно на нём держусь, но я не знаю, как его попросить летать и самое важное как потом приземлиться, – пожимая плечами, ответила Капа.

– Я знаю, тут не далеко есть одно место, где он сам полетит, а уж есть или пить захочет так, и приземлится, – сказал Алик.

На следующий день Харлан согласился взять на их ежедневный выезд и Капу с Янтарём. Троица направилась к обрыву.

– Ты главное, девочка, не бойся, он свою природу знает, просто доверься ему, – сказал Харлан, когда до обрыва оставалось совсем не много.

Капа поцеловала Янтаря в шею и прошептала:

– Давай мой хороший, покажи, что ты умеешь. И пришпорив гухьяка, громко скомандовала:

– Летим!

Казалось, Янтарь только и ждал, когда его хозяйка его об этом попросит. Он разбежался и, махая крыльями, взмыл в небо. Капа завизжала от восторга.

Алик, не отрываясь, смотрел, как крылатый конь катает в поднебесье его сестру. Затем они опустились на берег реки у подножия обрыва. Пока Янтарь утолял жажду, Капа решила его охладить, она слезла с него и, смеясь, брызгала речной водой, зачерпывая её руками.

Неожиданно из лесу за её спиной появились двое. Алик посмотрел на Харлана. Его лицо стало озабоченным.

– Шуметь нельзя, мы можем спугнуть гухьяка, и он улетит один, – ответил он на немой вопрос Алика, доставая рогатку:

– Сейчас поймём, кто там появился. У наших легкая вибрация проблесков появляется в спектре рогатки.

Алик смотрел и не знал, что делать. Он бормотал, продолжая всматриваться на берег реки:

– Ну, давай же взлетай, хватит играть. Оглянись, оглянись!

Капа посмотрела вверх обрыва и сказала Янтарю:

– Даже не представляешь, как сильно мой брат хотел бы оказаться на моём месте. Уже приревновал, наверно.

Вдруг ей показалось, что боковым зрением она заметила какое-то движение. Она резко обернулась и увидела двух вооруженных незнакомцев. Понимая, что из оружия у неё с собой только нож в сапоге, она схватила голыши и запустила их в чужаков. Один камень достиг своей цели, другой пролетел мимо. Взвывший от боли удара камнем по голове незнакомец напугал гухьяка, который взмахнув крыльями, устремился в небо. Капа продолжала бросать камни, понимая, что ей больше ничего не остаётся делать, без гухьяка ей отсюда не выбраться. Второй был более юркий и быстро приближался к ней. Вдруг Капа увидела мелькнувшую тень, и в этот же момент Янтарь нанёс удары передними копытами по уже близко подобравшемуся к Капе мужчине, который даже не успел вскрикнуть и замертво повалился на землю. Капа увидела, как первый незнакомец, убегая, уже достиг границы леса. Она вскочила на гухьяка и вновь оказалась в небе.

– Спасибо мой хороший, спасибо, ты спас меня, – говорила Капа, глядя бока и шею Янтаря.

Он приземлился туда, откуда взлетел, на краю обрыва и Капа упала в объятия брата. Харлан поднялся с земли и ободряюще сказал:

– Не испугалась, начала атаковать, как истинная казачка повела себя. Да и конь не бросил. Настоящая боевая пара. По рогатке в двух днях пути западнее от нас отряд лазутчиков. Наш основной патруль выдвинулся на север сегодня утром и вернётся через два дня. Надо

предупредить их, послав гонца, а в лагере подготовится к обороне и устроить засаду, если наш патруль не вернётся ко времени нападения на лагерь.

Волнение от случившегося отступило, заменив собой переживание о грядущем. Всадники пустили коней галопом по направлению к лагерю. Гухьяк же немного проскакав, снова поднялся в небо. «Теперь мой Янтарь предпочитает такой способ передвижения» – подумала, повеселев Капа. Янтарь доставил Капу в лагерь быстрее. Детвора облепила гухьяка, когда он появился с неба в центре лагеря.

Казарь подмигнул Капе:

– Ну как испытала?

– Испытала, отличное седло, спасибо. А мог бы ты мне ещё ремни прикрепить, такие, чтоб ещё одного ездока с собой можно было взять? – поблагодарив, спросила Капа.

– Гухьяки сильные кони, может и двоих поднять. Сделаю я тебе и такую работу, как не сделать, самому как мастеру интересно как оно выйдет, – довольный сказал Казарь.

Харлан, прибыв в лагерь, собрал оставшихся, не включая дозорных. Дозорным он успел всё, что нужно рассказать, как только прибыли, чтобы те усилили бдительность.

– Лазутчики появились. Один сбежал. Скоро будут ещё. Хорошо, что они из любопытства вышли, думая захватить Капалика с гухьяком. И у нас есть время на подготовку благодаря крылатому жеребцу с его хозяйкой. Надо готовиться к обороне. Патруль только выехал в лагере мало людей. Надо сходить на охоту и пополнить запасы, – делился Харлан информацией и тут же раздавал указания.

Речь наставника, как всегда, была рубленной и по существу. Алику нравилось его спокойствие. Казаки восприняли приближающуюся опасность без каких-либо эмоций. Подобные нападения были естественной частью их жизни.

На следующий день Алик пошёл на охоту на кабана вместе с другими казаками. Добравшись на лодках на другой берег реки, где в зарослях камыша водились кабаны, казаки устроили западню из деревянных кольев. Теперь нужно было загнать туда зверя. Собак с собой не взяли, мастифы были отличные охранники, но не охотники. У казаков были приманки из фруктов и мочи самок. Кабаны обладают острым нюхом поэтому, чтобы сбить запах человека, все перепачкались в иле на берегу. Слух у кабана также достаточно чуткий. Малейший шорох, и кабан обойдёт засаду стороной. Но у кабана слабое зрение и правильная маскировка в охоте на кабана – один из важных элементов. Харлан объяснил, что нижние клыки кабана длинные и острые как ножи, особенно у молодых особей. Поэтому основная задача была тихо подойти с подветренной стороны и на расстоянии заманить его в расставленную ловушку, не попадаясь у него на пути. Казаки обнаружили две лёжки из срезанного клыками камыша. Кабан ночное животное, поэтому сейчас ранним утром он должен был возвращаться к своему гнезду.

Алик бывал с отцом на охоте, но тогда в руках было ружьё, и рядом были охотники с ружьями, которые придавали уверенность. Он отгонял мысли о схватке со зверем с одним лишь кинжалом в руке. Только случай может помочь в таком поединке.

Сидя в засаде, Алик так ушёл в свои мысли, что очнулся лишь тогда, когда Харлан тронул его за плечо, показывая, что надо идти. Они вышли к лодке, и Алик увидел, что один кабан уже попал в западню, даже не взвизгнув, так как напоролся горлом на острый кол. Был шанс поймать и второго кабана, который ещё не пришёл к своему месту лёжки. Алика на лодке отправили с одним казаком перевезти добычу. Но как они ни старались, вдвоём не могли справиться с выгрузкой туши. Казак пошёл в лагерь, а Алик остался на берегу. Солнце поднялось и своими лучами нагревало тушу распространяя запах запекшейся крови животного. Алик отошёл немного, чтобы дышалось легче. Неожиданно он заметил, как песок на берегу как-то странно шевелиться. Алик достал кинжал и приготовился к нападению. Вдруг из песка на тушу

кабана выпрыгнуло какое-то животное и стало вгрызаться в его плоть. Алик, что есть силы, ударил кинжалом и пригвоздил это животное к туше кабана. Серо-сизое тело не то енота, не то крота распласталось на месте своей атаки, оголив пасть с острыми клыками и свисая длинными лапами с загнутыми когтями. За рассматриванием этой диковинки и застал его вернувшийся с подмогой казак.

– Это же бороготус! Вот это да! Парень, да смельчак! У него яда в слюне столько, что если на кожу попадёт, то обжигает как огонь! – все восклицали и восклицали собравшиеся, а Алик пытался вспомнить, где он уже слышал это название.

Со стороны камышей послышался свист. Нужно было освободить лодку и плыть за второй тушей. Охота была удачной, даже несмотря на то, что бороготус успел отравить пол туши первого кабана.

Увидев в лагере Асиферта, Алик вспомнил, от кого он слышал это название. Он подошёл к нему и спросил:

– А из этого бороготуса можно будет мне шлепок для нагайки сделать?

– Можно, и не тебе одному, тут на многих хватит, – засмеялся Асиферт.

Глава 6

Весь следующий день был посвящён подготовке к встрече неприятеля. Лагерь имел земляной ров, заполненный через каналы речной водой. Казаки проверяли его на надёжность и очищали при необходимости. Оказалось, что перед этим рвом есть ещё один. Это было незначительное углубление в земле шириной примерно два человеческих роста и наполненное заострёнными кольями и замаскированное сверху ветками со мхом. Заметить его было не просто даже днём при солнечном свете. Дети собирали мелкие веточки сушняка и рассыпали их по тропинкам вокруг лагеря. Такое покрытие создавало хруст и не позволяло подойти незамеченным. Врытые в землю длинные столбы образовывали непреступный забор вокруг самого лагеря. Капа с другими казачками наносили на остро заточенный верх частокола маслянистую жидкость, которая не позволяла даже ухватиться за него, так как руки соскальзывали.

Алик очень хотел быть полезным в этом общем порыве и даже предложил устроить пыльную бурю вокруг лагеря, раз теперь большинство шлепков у нагаек в лагере были сделаны из кожи бороготуса. Но Асиферт быстро унял его прыть, сказав:

– Пыльная буря – это на крайний случай, лагерь ведь тоже пострадает. Не надо рассчитывать только на тайное оружие. Главное оружие у казака – это сам казак!

Капа выпросила себе у Харлана шашку и носила её на боку. Алик, увидев её, расхохотался:

– В шароварах с шашкой да с платком на голове, повязанным на манер банданы, ты похожа на пирата!

– В отличие от пиратов у меня есть летающий конь! – в тон настроения брата ответила Капа.

Двое пластунов сходили на разведку и подтвердили, что уже завтра после полудня отряд лазутчиков будет здесь.

– У них флаги наши, значит, фанатично будут сражаться, – сказал в заключении один из пластунов.

– Харлан, я не понял, что означала последняя фраза, объясни мне как это понять «у них наши флаги»? – спросил удивлённый Алик.

– А так и понимать, как сказано. Была одна империя. Теперь она раздроблена. Каждый периферийный осколок создал своё государство и думает, что именно он является приёмником величия былого, забывая, что голова империи была в Гордарике и уж если кому и быть преемником, то головной части, а не хвостовой. Это внутренняя война, хуже которой и быть не может, когда брат на брата идёт, – с горечью сказал Харлан.

– Это казаки – перебежчики? – снова спросил Алик.

– Казак не бегаёт, он не знает, что такое предательство или трусость. Казак это воин от самой колыбели. А эти люди не казаки, – жёстко сказал Харлан и пошёл к пластунам.

Алик стоял и, смотря ему вслед, думал, действительно ли эти приближающиеся лазутчики не казаки или настоящие казаки от них отреклись.

На обеде Алик сел с Капой подальше. Им было что обсудить. С одной стороны надо было искать путь домой, а с другой выжить в этом не простом мире, куда их занесло. Они не раз пытались понять, как такое могло произойти, и единственное, на чём сходились их мысли, это был тот поворотный момент, когда их прабабушка пригрозила им казачьим патрулём. И теперь они действительно находятся в казачьем патруле в глубоком прошлом. Капа узнала от Павлины, что жречество в смутные времена прятало своих детей в военной касте у казаков. И может, их бабушка потомок жреца и казачки, которая хранит древние знания и именно с помощью их отправила нерадивых родственников на перевоспитание.

– Кстати, я спросила у Павлины, откуда она, и как она попала к казакам. Она потомственная казачка, как и все другие женщины. И очень удивилась моему вопросу. Казаки берегут свою кровь и не смешивают с чужой. Нельзя доверять отпрыскам наложниц. Да и каких казачат такая жена сможет воспитать. Получается или мораль упала у казаков, и они себе в набегих жён брать стали, или наши историки намеренно нас вводят в заблуждение, – сказала Капа.

– В общем, моё мнение такое, чтобы вернуться домой нам надо попасть к жрецам, – подытожил Алик.

– Не забывай если наша бабушка потомок жреца, то и мы, в том числе имеем в себе кровь жреческой касты. Может, конечно, мы и сами что-то можем, но ты прав без жрецов нам этого не понять, – ответила Капа.

– Если будет нападение на лагерь, я прятаться не буду. Суждено погибнуть, пусть так и будет. Я не смогу потом людям в глаза смотреть, если поведу себя как трус, – сказал Алик.

– Я тоже не буду сидеть, сложа руки. Мы с Янтарём многое сможем сделать полезного, – разделяя намеренья брата, ответила Капа.

После обеда Алик поднялся на сторожевую вышку, устроенную в кроне высокого дуба. Караульный улыбнулся:

– Не бойсь, не пропустим, если кто подойдёт, обязательно приметим.

– Да я так, просто интересно далеко ли видно. Я заметил, что арбалеты только у караульных есть, а почему остальные их не используют? – спросил Алик.

– Для арбалета зоркость нужна, а это как раз то, в чём караульные мастера, вот и тренируем свою меткость тоже только мы. В бою у каждого своё место. А сейчас иди, давай, сам понимаешь, не до тебя мне сейчас, – сказал караульный.

Алик стал спускаться и заметил, что его коробочка из-под леденцов может выпасть из-за пазухи. Он постарался её подхватить, но было уже поздно, его движение лишь добавило динамику к полёту металлической по форме похожей на шайбу коробочки, которая упав на ребро, быстро покатила по склону и, преодолев открытые ворота, свернула налево. Алик понимал, что из прошлой жизни у них с Капой остались только два неработающих гаджета и эта коробочка. И он не хотел утратить окончательно что-то из родного мира. Поэтому оглядевшись, Алик направился на поиски «беглянки». Добравшись до подножия возвышенности, на которой располагался лагерь, Алик заметил свою жёлто-красную коробку. Неожиданно она взмыла в воздух, и зависла где-то на уровне одного метра от земли. Алик остановился и прижался к стволу дерева. Он продолжал вглядываться и понял, что коробку поднял хорошо замаскированный лазутчик. Алик вынул кистень, и как учил Харлан, ударил в область ног неприятеля – «лазутчика надо брать живым», говорил наставник. Лазутчик ойкнул несколько от нанесённого удара, сколько от неожиданности, кистень лишь задел колено и соскользнул по голенищу сапога. Алик отчаянно прыгнул на врага и стал наносить удары, вспоминая отцовские уроки рукопашного боя. Вся эта потасовка была замечена караульными. Алика спасли казаки, поднятые по их тревоге.

Лазутчик молчал. Его поместили под стражу. Харлан не стал спрашивать Алика, как он там очутился, а лишь строго посмотрел на него и, качая головой, сказал:

– Тебе повезло парень. В разведку ходят парами и тройками. Остаётся лишь догадываться, где сейчас остальные лазутчики. Но я рад, что ты выстоял несколько минут боя с неприятелем, а не предался бегству.

Глава 7

Алик проснулся очень рано. Ему казалось, что за всю ночь он поспал не больше часа. Волна ожидания неизвестного накрывала снова и снова. Казачий патруль обычно возвращался во вторую половину дня. Казаки патруля уже получили известие, что будет попытка пересечения границы. Но и лазутчики уже наверняка выяснили, что основой отряд в отъезде. Предполагалось, что неприятель может поступить двумя способами. Обойти лагерь и ожидать на равнине, что через сутки их настигнет погоня казачьего патруля. Или попытаться захватить лагерь. Любая осада выигрышна только в том случае, если есть возможность в течение длительного времени перекрыть доступ провизии. Запасы заканчиваются, и лагерь сдаётся. Однако имеющиеся тайные ходы позволят осуществлять продовольственное снабжение сколь угодно долго. Нападать на защищённую территорию это значит нести не пропорциональные потери, даже имея численное превосходство. Но лагерь был сейчас не в полном составе и вариант нападения, а затем и бой с вернувшимися казаками выглядел очень реалистичным вариантом. В то же время Харлан упомянул, что отряд лазутчиков большой, но значительно меньше обычных конных подразделений. Возможно, это группа сопровождения какого-то важного лица. И тогда нападение на лагерь будет отвлекающим манёвром, а малая группа сможет уйти вглубь страны. Казаки не могут взять с собой подкрепление с соседнего лагеря, так как неизвестно, запланированы ли неприятелем и там подобные прорывы.

У Алика голова шла кругом от всех этих вводных. Он заглянул в секцию палатки, где спала Капа, и понял, что она не ложилась. Спальное место, было не тронутым с вечера. «Видимо со своим гухьяком ночевала» – подумал Алик. Однако он нигде не мог её найти. Прогулявшись по просыпающемуся лагерю, Алик убедился в своей догадке. Капа исчезла. И Янтарь тоже.

Сначала Капа решила осуществить ночной дозорный полет. Ей даже удалось вздремнуть вечером недалеко от пастбища. Янтарь не отходил от хозяйки и дремал стоя рядом. Но потом в голове созрел план. Ещё никогда она не испытывала такого мощного распирающего изнутри чувства долга. Адреналин хлестал её, нацеливая к защите не только брата, но и целого лагеря. Она вылетела в сторону приближающегося отряда лазутчиков, когда окончательно стемнело. Только беспросветная мгла окружала её. Она доверилась крылатому жеребцу, интуитивно зная, что он найдёт то, что ей нужно. Сверху было отчётливо видно, где заночевали люди. Струи дыма костров сузили поиск и обозначили треугольник их местоположения над чёрным лесом. Капа направила гухьяка на снижение недалеко от стоянки. Она сняла пашку и спрятавала в крыле Янтаря. Вытащила своё старое чёрное платье, шляпку и айпад, припрятанные в кожаной сумке седла. Вчера казачки включали для проверки защитный экран лагеря. Гаджеты успели, зарядиться, напугав Капу таким раньше знакомым попискиванием. Теперь надо было беречь аккумуляторы, чтобы в нужный момент применить эти «волшебные зеркала». Для чего, Капа тогда не знала, но чувствовала, что они могут пригодиться. И сейчас со светящимся экраном гаджета в ночном лесу она понимала, тот самый момент настал. Сменив одежду и взяв Янтаря за поводья, Капа пошла сквозь темноту на свет от костров. Чем ближе она приближалась, тем слышнее становились разнообразные звуки от бряцанья оружия, до ржания лошадей.

Стоявший в карауле свистнул и мгновенно образовалась тишина. Капа продолжала идти, не сбавляя темпа. Она вышла на поляну и встала между кострами.

– Где ваш главный? Я капалик, и я хочу говорить с ним, – сказала Капа завораживающим низким грудным голосом.

По стоянке прошёл шёпот. Те, кто спал, проснулись. Никто не сдвинулся с места. Капа улыбнулась, напугав их ещё больше. Она испачкала сажей свои белые зубы, и в отблесках костра её лицо сейчас выглядело зловеще.

– Я жду, или вы хотите, чтобы я его сама нашла? – сказала Капа, и уже приметив издали худого седовласого мужчину с высоким белым воротником и благородным лицом, направилась в его сторону.

Мужчины словно застыли, а Капа медленной поступью шла по направлению к их вожаку.

– Что ты хочешь, капалик? – спросил седовласый, когда Капа была уже в нескольких метрах от него.

– Мне надо тебе и только тебе сообщить важные сведения, которые сегодня пришли из моего зеркала. Это касается тебя и будущего твоей семьи, – сказала Капа, высоко подняв над собой айпад с включённым экраном.

Её слова и действия возымели должный эффект. Глаза седовласого забегали. Он махнул ей рукой, приглашая следовать за ним. Когда ближайший вооружённый охранник поднялся идти за ним, седовласый замотал головой и сказал:

– Что мне сделается? Ждите здесь. Я хочу наедине пообщаться с этим капаликом.

Они вышли на край поляны, где их ни кто не мог услышать. Капа остановила Янтаря так, чтобы гухьяк закрывал её и седовласого.

– Говори! – потребовал седовласый.

– Протяни мне свои руки, – сказала Капа.

Как только он это сделал, кожаная петля, заранее заготовленная на седле, тут же очутилась у него на запястьях. А во рту оказался кляп, который мастерски быстро научилась вставлять Капа.

– Значит, так. У тебя есть выбор или летишь со мной на спине гухьяка или, болтаясь на связанных руках? – спросила Капа.

Глаза седовласого расширились от ужаса. Капа поняла, что надо действовать. Она указала на высокий камень, и мужчина, оттолкнувшись от него, запрыгнул на спину Янтаря, устроившись лёжа, попёк гухьяка на животе. Капа набросила верёвку и прикрепила седовласого. Из лагеря раздались крики. Она попыталась сесть, но поняла, что в платье этого сделать не удастся. Разорвав подол, она вскочила на гухьяка и Янтарь взмыл в чёрное небо, унося всё дальше от разъярённых людей внизу.

Капа понимала, что обратный путь будет дольше, так как какой бы не был силён Янтарь, он всё ещё был молодой жеребец, ноша которого удвоилась. Уже светало, когда на горизонте она увидела лагерь казаков. Капа направила гухьяка на центральную площадку. Она была уверена, что караульные уже собирают казачий совет, и её будут ждать. Она не ошиблась. Ночью её вылет из лагеря ни остался незамеченным. Харлан и Асиферт были извещены, и дали наказ сообщить им, когда она вернётся.

Седовласый оказался намного разговорчивее захваченного вчера лазутчика. Он поведал, что его имя Акипсий, он является послом от Полондрии и должен был тайно проникнуть в Гордарику, чтобы обговорить с верховным жречеством дальнейшее взаимодействие.

Когда вернулся патруль, атаман прослушал все доклады. Он велел снарядить небольшой отряд с депешей в отряд лазутчиков от Акипсия. В которой говорилось о том, что посол будет доставлен в Гордарику под покровительством Казачьего патруля и дальше с ним пойдёт лишь два охранника, которые также привезут все его вещи.

После обеда атаман пригласил на казачий круг Харлана с его послушниками, который по обыкновению проходил на центральной площадке, где казаки стоя обсуждали важные вопросы без лишних рассуждений.

– Как я посмотрю, ты славно потрудился Харлан, их уже капаликами и язык не поворачивается назвать, – посмеиваясь, сказал Провор наставнику.

– Живая кровь у них, а моя заслуга лишь в том, что я её пробудил, – скромно ответил Харлан.

– Что ж, отныне у вас есть имена. И за ваши заслуги, я разрешаю всем пользоваться именами, данными вам при рождении. Назовите свои имена, – сказал торжественно атаман.

Алик сделал шаг вперёд и представил их с сестрой. Они ещё никогда в жизни не были так горды тем, что они казаки.

Глава 8

После того, как ребята в казачьем обществе обзавелись собственными именами, они почувствовали существенную разницу в общении с местными жителями. Они не были больше изгоями. Хотя, конечно, ребята понимали, что казаки всё равно принимают их за капаликов, выходцев другой крови. Однако, это не мешало теперь Капе получать восхищённые взгляды молодых казаков, особенно после того, как она спустилась с небес с оголёнными ногами на гухьяке и пленным на перевес, как богиня воительница. Сама Капа не могла не обратить внимание, на высокого сероглазого с правильными чертами лица парня, который служил у атамана приказным. Его высокий лоб уже бороздили лёгкие морщины от длительных раздумий. Коин всегда был серьёзен и, как доверенное лицо атамана, часто бывал в отъезде вместе с ним, но иногда оставался в лагере. Тогда-то Капа его и заметила среди других казаков. Будучи не занят по службе, он изучал ночное небо. Коин смотрел на звёзды через телескопический прибор и сверялся с каменным небесным атласом в форме диска.

Однажды Капа подошла к нему и спросила:

– Будь добр, покажи мне свой прибор, ты в него на звёзды смотришь верно?

Коин, молча протянул ей устройство, которое представляло собой бронзовую лупу с несколькими срезами стёкол разного цвета. Причём казалось, что линзы зелёного цвета были сделаны из драгоценных камней типа изумруд. Капа покрутила в руках лупу и приставила к глазу, подняв голову в ночной небосвод. Из уроков астрономии она хорошо помнила, что некоторые планеты можно увидеть и не вооружённым взглядом. Поэтому, чтобы произвести впечатление на Коина, она, делая вид, что разглядывает звёзды, вспоминала название и местоположение этих планет. Первое, что пришло в голову, был Марс. Капа наконец отыскала красную планету и сказала:

– А вот ты, где красавец!

– Что ты там нашла? – удивлённо спросил Коин.

– Планету Марс, люблюсь, как он переливается на солнце оранжево-красным цветом, – ответила Капа, продолжая стоять с поднятой головой, но уже опустив лупу.

– Его видно и без прибора, – сказал Коин.

– Конечно, видно, но я думала, что твой прибор позволит мне его разглядеть получше, – сказала Капа и добавила: – Ты рассматриваешь планеты, чтобы узнать, как они называются в твоём атласе?

– Да. Среди вещей, которые мы иногда находим, встречаются древние знания, которые, к сожалению, постоянно человек утрачивает. Я нашёл этот диск на одной из стоянок во время похода, – ответил Коин.

– Как интересно? А какие ещё вещи предков ты используешь? – спросила Капа.

– Я покажу тебе, если хочешь. У меня большой сундук непонятных вещей, возможно, вместе мы сможем понять, как их применяли, – предложил Коин.

Капа очень обрадовалась этой возможности. Теперь они встречались с Коином каждый день. Капа уже не опасалась мастифа Коина по кличке Дэй. Этот пушистый, как медвежонок, пёс полюбил её и особенно был благодарен за то, что она всегда не забывала прихватить для него с кухни лакомство. Осень всё больше вступала в свои права и холодными днями Капа с удовольствием прятала озябшие руки в его густом мехе.

После геройства брата и сестры Алика не только брали в Казачий патруль. Он также стал выезжать и в двухдневные походы вместе с остальными казаками. Поэтому, когда Капа не помогала казачкам по хозяйству, она проводила время, разглядывая всякого рода диковины, лежащие в сундуке Коина. Оставалось только догадываться об их предназначении, поэтому Капа выдумывала возможные занятия для этих вещей и веселила своими небылицами Коина.

Однажды, когда они весело смеялись над её очередной шуткой, зашёл атаман и, увидев их счастливые лица сказал:

– Эх, жаль, что ты капалик, а-то б засватали уже!

Капу ранили эти слова, она ничего не сказала и не подала виду. Но внутри всё просто разрывалось, так хотелось прокричать «Да ни какой я не капалик! Казачка я, самая натуральная!».

Это высказывание атамана, не повлияли на отношения Капы с Коином. Они по прежнему проводили много времени вместе. Однажды когда они, лёжа на расселенных, на куче сена шкурах, разглядывали кольца Сатурна в ночной тишине, им показалось, что кто-то прошёл мимо. Дэй тоже приподнялся, но не сдвинулся с места.

– Раз Дэй не погнался ни за кем, то, наверное, это мышка проскочила, – сказал Коин, но выглядел он не так спокойно как говорил, вглядываясь в темноту.

На следующую ночь они снова увидели промелькнувшую тень. Дэй был встревожен, но не двигался с места.

– Странно, на него это не похоже. Эти собаки отличные охранники и если, что-то замечают, то нападают, а он просто поскуливает, – удивился Коин.

– Давай, пройдем туда, где показалась тень и сами всё выясним? – предложила Капа.

– Мы поступим по-другому. Оставайся здесь. Я сейчас вернусь, – сказал он Капе и, повернувшись к псу приказал: – Дэй стеречь!

Капа испытывала двойное чувство, смотря на исчезающего в темноте Коина. С одной стороны это была забота о ней, но с другой стороны, она не могла проследовать за ним, так как после команды хозяина этот медвежонок уселся рядом с ней, положив свои передние лапы на её ноги.

Коина долго не было. Капа уже начала переживать и попыталась встать, но грозный мастиф, не дал ей даже пошевелиться, лишь сильнее на неё надвинулся.

– Вот ты какой, я значит тебе косточки ношу, а ты мне даже встать не позволяешь! – обиженно прошептала Капа Дэю.

– Он на службе не такой уж симпатяга, да? – услышала она голос Коина, который незаметно подошёл сзади.

– Он меня сейчас раздавит, скажи ему, чтобы отпустил, – попросила Капа, улыбнувшись Коину.

– Всё Дэй, отпусти нашу красавицу, – сказал Коин.

Капа была рада, что в темноте не было видно, как она покраснела. Она отряхивала одежду немного дольше, чем обычно, пытаясь скрыть своё волнение. Наконец совладав со своими чувствами, она спросила:

– Ты кого-нибудь нашёл там? Что это было?

– Не знаю, я обошёл всё кругом, всё выглядит как обычно. Кроме одного. Появилось стойкое ощущение, что я что-то пропустил и не заметил. Я посмотрю завтра при свете дня, а сейчас давай, я провожу тебя, пора спать, – ответил Коин.

На следующий день, стараясь не привлекать внимания других, они по очереди исследовали место ночного происшествия. Но также не обнаружили ничего не обычного, лишь Коин нашёл странный предмет похожий на курительную трубку, который пополнил коллекцию диковинок в сундуке. находка была обнаружена между деревьями недалеко от палатки полондрийцев. Аксиписий вместе со своими двумя охранниками Уласом с Шахметом и лазутчиком Конореем, которого взяли под стражу ранее, теперь находились на особом положении. Им выделили отдельную палатку, из которой они не должны были отлучаться и при надобности по лагерю ходили только в сопровождении. Атаман отправил гонца в Гордарику с известием о посланнике Полондрии и ждал ответ с пропуском, который позволил бы, потом без промедления передвигаться по стране и доставить посла к верховным жрецам.

– Возможно, этот предмет, принадлежит полондрийцам, – предположила Капа.

– Они не должны выходить одни. А если перемещаются, то только по тропинкам вместе с конвоем, а это лежало за палаткой. Однако ты права, мы понаблюдаем с тобой за ними, может что-то и проясниться, – ответил, посерьёзневший Коин.

– Мне тоже кажется, что здесь кроется какая-то тайна, – прошептала Капа.

Глава 9

Алик впервые участвовал вместе с другими казаками в походе казачьего патруля и немного нервничал. Больше всего он боялся, что устанет ехать строевым шагом в течение целого дня. Одна надежда была на Карамельку. Его кобыле явно нравилось путешествие. По большей части патруль шёл шагом, лишь иногда строевой рысью. Темп довольно неспешный. Поэтому беспокойство Алика стало проходить. Казаки ехали парами в ряд, а там где изредка тропа пролежала тесно с оврагами по одному. Казалось, они движутся по неизведанной целине. Кругом были лесостепные пейзажи, и дикие звери часто перебежали дорогу. Такая близость живности могла быть только при отсутствии в данной местности жилья человека. Во время привала белки прыгали на лошадей, чем очень позабавили никогда не видевшего ничего подобного Алика. Для провизии это был огромный плюс. Не было нужды возить с собой большое количество снеди. Расставив силки по пути регулярного следования, казаки в походе, проверяли свои ловушки и быстро зажаривали на кострах, то, что поймали. В основном попадались зайцы или лисы.

Встречающиеся лесные массивы по большей части были представлены деревьями, которые Алик видел у себя дома, в своём привычном мире. Только с одной лишь разницей – многие местные деревья имели исполинские размеры. Возникало ощущение, что раньше деревья имели возможность расти дольше, чтобы достичь такого калибра. Трава также выглядела знакомой. Несмотря на осенний период, растения не все пожелтели, а некоторые виды даже распустили бутоны, расставив их вдоль тропы во всей своей красе. Попадались небольшие речки с болотистыми берегами, порой уходящими болотными кочками в глубину очередного леса или рощи. Многочисленные стаи птиц дополняли картину начинающихся холодов. Косяк за косяком проносился над головой. Алик не мог различить птиц. Лишь журавли показались ему знакомыми, и их гомон горько отозвался в сердце. «Неужели они с Капой уже никогда не увидят своих родных» – пронеслось у него в голове, и Алик мотнул ею, будто стараясь отогнать подобные мысли.

В течение дня было два коротких привала и один большой. Алику даже показалось сначала, что они путешествуют как туристы, но потом он обратил внимание, что во время остановки часть казаков уходила за припасами, другая часть готовила припасы, собранные во время прошлого привала, а третья часть казаков, по возвращении шла на доклад к атаману. Алик посмотрел на Харлана и быстро отвёл взгляд. Наставник дал наказ ему наблюдать, пока они в пути за всем, что происходит в отряде, затем они подробно обсудят каждый элемент похода.

– Помни, казак ничего не делает просто так. Для всего есть причина. Зорко учись подмечать и размышлять в чём надобность того или иного действия у любого человека, однажды это спасёт тебе жизнь, – сказал Харлан ещё в лагере.

Алик, немного удивился, такому подходу и спросил:

– А если, я увижу нечто, о чём следует сразу рассказать?

– Смотри и подмечай всё, что будет не обычного. Твой трезвый ум подскажет, как себя вести, – сказал наставник.

Алик внутренне посмеялся: «За последние две недели он обычного ничего не видел».

Сначала Алик старался запомнить увиденное и повторял это мысленно, чтобы не забыть. Но потом понял, что пока он повторяет первые начальные впечатления, он упускает то, что происходит вокруг него. Он вспомнил, как мама сказала ему однажды, когда он ни как не мог выучить домашнее задание по химии: «Относись к этому легко, как если бы ты читал художественную книгу, а не учебник. Тогда все твои формулы встанут в ряд как герои в приключении, и ты быстро всё запомнишь». Вот и сейчас Алик применил этот принцип. Он просто смотрел и старался не пропускать того, что творилось вокруг. Он снова подметил, что отряд работает

слаженно, как хорошо настроенный механизм. Разговоры практически отсутствовали. Алик наконец-то понял выражение Суворова «Кзаки – это глаза и уши армии». Кзаки смотрели и слушали, точнее прислушивались. Казалось, они на охоте и зверь где-то рядом. Напряжения нет, только собранность и концентрация.

Добравшись до границы соседнего размещённого также в дубраве лагеря казачьего патруля, Алик быстро понял, что он мало отличается от того, где они волею судьбы жили с сестрой.

Кзачьи войска обладали единой военной системой, прослеживаемой в любом шаге, который делал каждый чин от казака до атамана. Слаженный механизм подкреплялся выучкой с малолетства. Кони и люди росли, как единое целое. Как теперь знал Алик, когда мальчик в казачьей семье рождался, едва он начинал ходить его сажали на лошадь. И едва он подрастал, чтобы самостоятельно держать уздечку ему дарили молодого жеребца, который рос и обучался вместе с ним. Поэтому более гармоничной боевой единицы сложно было себе представить. Конные казаки выглядели особым родом лёгкой конницы на фоне общей войсковой кавалерии. Они были на передовой. Занимались разведкой и устраивали завесы для перемещения основных родов войск. Они осуществляли вылазки, рейды и другие элементы ведения «малой войны».

Находясь сейчас в этой среде, Алик осознал то, что рассказывал инструктор по обучению верховой езде про особый тактический приём называемый «казачья лава», где при атаке боевой порядок в несколько шеренг напал разомкнутым строем с сомкнутым резервом-маяком в глубине. Резерв-маяк поддерживал атакующую лаву и в случае неудачи противостоял преследующим или пытался обмануть противника касательно количества нападающих, «маячив» в разные стороны. Пообщавшись побольше с казаками в пути, Алик усвоил для себя, что лава, это универсальный боевой порядок, который применяли и для встречного боя и для отступления. Так заманивали врага в ловушки или проводили разведку боем. А манёвренность боя в таком построении была необычайно высока. Лава легко разворачивается и перенацеливается на вдруг обозначившееся слабое звено противника. Управление осуществлялось поднятой над головой атамана пашкой, а командующие отдельных групп уже перенаправляли их по своему усмотрению. Успешность управления этой бесконечной импровизацией заключалась в доскональном понимании и осознанном исполнении каждым казаком требований атамана и физической подготовкой. Такая извивающая армада наводила страх и ужас на любого противника. А также именно эти конные казачьи патрули выбирались для временных задач типа охраны высшего командного руководства или сопровождения верховного жречества в их перемещениях. При общей мобилизации казачьи патрули пятикратно увеличивали регулярную армию Гордарики, состоящей из земельных князей с войском, управление над которыми осуществляли верховные жрецы, с центром сосредоточения в Граде на Волхове.

Ещё одно откровение для себя получил Алик, увидев, что казак демонстрирует двойственность своей натуры. Казак не боится смерти. Он живёт каждую минуту как последнюю. Казак был и весел, и грустен, и забавен, и молчалив почти одновременно. Эти люди, постоянно смотревшие в глаза смерти, умели ценить каждую каплю радости. Алик чувствовал, как он наполняется этой могучей силой, всё теснее погружаясь в обхватывающий его мир сородичей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.